

Возникновение общего языкознания. Лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта

В XIX в. наряду со сравнительно-историческими исследованиями шло развитие философии языка, связанное с именами И. Гердера, А. Шлегеля, В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера, А. А. Потебни и др. ученых. В своих работах они пытаются уяснить принципы развития языка, выявить соотношение языка и мышления, постигнуть природу языка и, в конечном итоге, создать общую теорию языка. Особое место в этом ряду занимает В. фон Гумбольдт.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767 – 1835) родился в старинной дворянской семье. В 1878 г. он поступает в университет во Франкфурте-на-Одере, где изучает юриспруденцию, а через год переходит в Геттингенский университет. Он получил многостороннее образование, которое способствовало его многогранной деятельности. Политика и дипломатия, языкознание, теория литературы, философия, государственное право – вот основной круг его научных, творческих и жизненных интересов. Близкими друзьями Гумбольдта были Ф. Шиллер и И. Гете. Государственная деятельность Гумбольдта продолжалась с 1801 по 1819 г. В 1808 – 1810 гг. он занимает пост министра исповедания и народного просвещения и создает в это время новый центр немецкой науки – Берлинский университет, много способствует реорганизации средней и высшей школы. Первые языковедческие работы Гумбольдта были посвящены исследованию баскского языка, затем он изучает происхождение и родство европейских языков. Лингвистические интересы Гумбольдта расширяются, когда его брат Александр, знаменитый естествоиспытатель и географ, снабдил его материалами по языкам американских индейцев. Языковые познания Гумбольдта охватывали европейские, баскский, санскрит, китайский, малайско-полинезийские и индейские языки Америки, древнеегипетский, японский и другие языки мира, что обеспечивало ему необычайную широту лингвистического кругозора и давало надежную основу для общетеоретических построений.

В лингвистической концепции Гумбольдта особенно важное значение имеют работы «О разнообразии структур человеческого языка» и теоретическое введение к трехтомному труду «О языке кави* на острове Ява», занимающее целый том под названием «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода». В этих работах Гумбольдт наиболее полно излагает свою концепцию онтологии языка, опираясь на историко-философские взгляды И. Канта, Ф. Шиллера, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля. Центральной посылкой лингвистической концепции Гумбольдта является вопрос о духе, духовном начале, формой выражения которого является язык. Для объяснения самобытности духовной

---

*Кави – древнейший письменный язык яванцев.

культуры разных народов, множественности языков он использует шеллинговскую и гегелевскую концепцию всемирной истории как результат деятельности духа. Гумбольдт справедливо полагает, что языкознание не решит ни одной проблемы, если оно не поднимется до понимания языка как деятельности духа.

Дух, духовная сила, духовные особенности народов порождают и все многообразие конкретных языков. Идея духа выступает у Гумбольдта как некий исходный принцип, инвариантная категория, движущая сила, распространяющая свое действие и на язык. Исходя из общей идеи человеческого духа, Гумбольдт считает, что формой его выражения является язык народа. «Не пытаюсь определить приоритет того или другого, – пишет он, – мы должны видеть в духовной силе народа реальный определяющий принцип и действительное основание различия языков, так как только духовная сила народа является жизненным и самостоятельным явлением, а язык зависит от нее» (39, 89, ч. I). По мысли Гумбольдта, духовное своеобразие народа и строение его языка настолько глубоко проникают друг в друга, что, как скоро существует одно, другое можно вывести из него: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное. Каким образом они сливаются в единый и недоступный нашему пониманию источник, остается для нас необъяснимым» (39, 88 – 89, ч. I). Эволюционная теория языка и человечества предстает здесь, таким образом, как единый созидательно-духовный и языкотворческий процесс. По мнению Гумбольдта, «язык представляет собой непрерывную деятельность духа», его следует рассматривать «не как мертвый продукт, а как созидающий процесс». «Определение языка как деятельности духа, – отмечает он, – правильно и адекватно уже потому, что бытие духа может мыслиться только в деятельности» (39, 91, ч. I).

Понимание языка как деятельности было новым шагом в теории языка. В эволюционной теории Гумбольдта язык развивается стихийно и естественно, как природный организм. Развитие системы языка не зависит от сознательной деятельности людей. Языкотворческий процесс представляет собой стихийную массовую деятельность множества поколений, движение в языке есть проявление творческого начала в духе народа, оно не связано непосредственно с развитием знаний. Кристаллизация предшествующей языкотворческой деятельности, накопление ее результатов формируют и совершенствуют структуру языка, особенности массовых действий с ним, стихийным образом преломляя в языковой ткани особенности национального самосознания и мировосприятия на каждом историческом этапе развития народа, нации. В результате бесконечной серии превращений и наращиваний язык обогащается содержанием, совершенствуется в строении, развивает свои функции. Развиваясь по законам духа, язык у Гумбольдта является своеобразным «промежуточным миром», находящимся между народом и окружающей его действительностью, определяя собой особенности

мировоззрения народа, его психический склад, образ мыслей, философию, науку, искусство и литературу. Гумбольдт подчеркивает исключительную роль языка в становлении человека, в формировании его мировоззрения, в развитии общества. По его мнению, язык сыграл решающую роль в становлении человека как биологического вида и как мыслящего социального существа.

Гумбольдт указывает на тесную связь языка и мышления: «Язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность – совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно – посредством звука речи материализуется и становится доступной для чувственного восприятия. Деятельность мышления и языка представляет поэтому неразрывное единство. В силу необходимости мышление всегда связано со звуком языка, иначе оно не достигает ясности и представление не может превратиться в понятие» (39, 96, ч. I). Язык и мышление представляют собой нерасторжимое единство: мышление невозможно без языка, язык предполагает мышление. Вместе с тем их единство не лишено и внутренней противоречивости, поскольку при обозначении понятия звуком соединяются две вещи, которые никогда не могут совершенно перейти одна в другую. При этом понятие не может отрешиться от слова, как человек не может скинуть с себя своей физиономии. Захотев сбросить слово с себя, понятие только переменяло бы одно слово на другое и все равно явилось бы в слове, подчеркивает Гумбольдт. С помощью языка в сознании человека происходит процесс объективизации действительности, который в то же время не отрывается от субъекта. По Гумбольдту, «действительное и основное воздействие языка на человека обуславливается его мыслящей и в мышлении творящей силой». Развитие духовных сил человека, формирование его мировоззрения возможно только тогда, когда свое мышление он ясно и четко ставит в связь с общественным мышлением. «Когда мы слышим образованное нами слово в устах других, – пишет Гумбольдт, – объективность его увеличивается, а субъективность при этом не испытывает никакого ущерба, так как все люди ощущают себя как единство. Более того, субъективность тоже усиливается, так как преобразованное в слово представление перестает быть исключительной принадлежностью лишь одного субъекта. Переходя к другим, оно становится общим достоянием всего человеческого рода; в этом общем достоянии каждый человек обладает своей модификацией, которая, однако, всегда нивелируется и совершенствуется индивидуальными модификациями других людей» (39, 97, ч. I).

В генетическом плане язык и мышление возникают одновременно, они «проистекают из недостижимого прошлого» в полном соответствии друг другу, их источники и первоначальные формы остаются для нас непостижимой тайной. Вместе с тем, исходя из концепции первичности духа, Гумбольдт полагал, что понятие, хотя и в неоформившемся виде, предшествует слову, которое оформляет и фиксирует понятие. Несмотря на

очевидную связь языка и мышления природа того и другого представлялась Гумбольдту не вполне ясной.

Исходя из единства языка и мышления, в своих работах Гумбольдт развивает учение о форме в языке, которое является важнейшей частью его лингвистической теории. Несмотря на то, что язык связан с деятельностью духа, мышлением, он имеет свою специфику и относительную самостоятельность, устойчивость, которые суть форма языка. Гумбольдт указывает, что постоянное и единообразное в деятельности духа, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка. Язык состоит из множества элементов – звуков, слов, правил, исключений, соединение которых в единое целое осуществляется формой языка. «Язык является формой и ничем больше, кроме формы», – подчеркивает он. Понятие формы языка дифференцируется, в ней выделяются внешняя и внутренняя формы. Внешняя форма представляет собой внешний, материальный аспект организации языка, внутренняя форма – это формальная организация психической, ментальной субстанции. Внешняя форма – это звуковое оформление, морфологическая структура, значение; внутренняя форма – это способ соединения понятия со звуком, мысли с языком. Дух народа, отдельного человека сперва объективируется во внутренней форме, а затем уже выражается с помощью внешней формы конкретного языка как духовного воплощения индивидуально-народной жизни.

Внешнее различие языков проявляется в различной звуковой форме разных языков, которая оформляет индивидуальную форму каждого языка. Звуки голоса допускают безграничное множество модификаций, но только артикулированный звук, то есть звук, входящий в языковую систему и обладающий в ней определенной функцией, что-то значит. Фактически Гумбольдт под артикулированным звуком как функциональной категорией понимает фонему языка. Звуковая форма оказывает влияние на внутреннюю форму языка, моделируя понятие, мысль, идею в соответствующем духу языка виде, тем самым образом модифицируя их содержание.

Внутренняя форма языка представляет собой специфический для данного языка способ объединения звуковой материи и психического содержания, духа народа, она фиксирует особенности национального миропонимания. Многие языки представляют собой не многие обозначения одного предмета, но разное рассмотрение его. Отсюда слово является выражением нашего собственного взгляда на предмет, особым видением предмета, а не его представителем. «Если, например, в санскрите слон называется либо дважды-пьющим, либо двузубым, либо снабженным рукой, то в данном случае обозначаются различные понятия, хотя имеется в виду один и тот же предмет», – отмечает Гумбольдт (39, 102, ч. I). По Гумбольдту, внутренняя форма не только организует духовную субстанцию, но от нее зависит, по существу, и структура внешней формы, организация звукового материала. Внутренняя форма языка предстает у него структурой, в которой

«каждый отдельный элемент существует благодаря другому», совокупностью всех элементов языка, всех языковых структур, взятых в системе, то есть моделирующим языковым устройством. Тем самым одним из первых Гумбольдт обосновал системный характер языка.

В. фон Гумбольдт создал также знаковую теорию языка. Он рассматривал язык одновременно и как отражение действительности, и как знак. Язык представляет собой не предметы, а лишь понятия о них, «образуемые умом при рождении слова». Слово – знак отдельного понятия, в нем всегда наличествует двойное единство – звука и понятия. Звуковой облик слова выступает условным представителем предметов, отношений, связей из области внешнего мира. Значение слова мотивировано тем характерным признаком предмета, который лег в основу его наименования и был закреплён языковой практикой. В целом же язык не является продуктом произвольного творения, он неразрывно связан с самой внутренней природой человека, и скорее языки «исторгаются из нее самостоятельно», чем производятся ею произвольно.

Рассматривая живые языки, Гумбольдт приходит к выводу, что все люди говорят как бы одним языком и в то же время у каждого человека свой язык. Тем самым Гумбольдт разграничивает язык и речь как объекты научного исследования. По Гумбольдту, первое и истинное состояние языка есть живая речь, чего никак нельзя забывать при исследовании языков, «если мы хотим войти в живое существо языков». Язык как масса всего произведенного живой речью – не одно и то же, что сама речь в устах народа. Язык даёт живо чувствовать каждому человеку, что он не более как частица целого человечества. Вместе с тем только в речи индивида слова получают окончательную определенность, речь «есть лучшее средство достижения объективности мысли», с её помощью люди добиваются достаточного для их практической деятельности взаимопонимания.

Важной для теоретического языкознания явилась идея Гумбольдта о том, что формы всех языков могут сходиться в одной общей всем форме, если учитывать только самые общие их черты. Это вытекает из требований мышления, на чем покоятся в языках общие законы, которые, как и требования мышления, не зависят от различия народов и национальностей. Национальные различия оказывают влияние на реализацию в конкретных языках общих требований мышления и языка. Индивидуальность употребления языковых форм базируется на всеобщности исходных принципов. Исходя из этих посылок, Гумбольдт предлагает создавать универсальную грамматику, поднимаясь от конкретных фактов до все более широких обобщений, имея также в виду общность логических предпосылок разных языков.

В своих работах В. фон Гумбольдт видоизменяет, совершенствует и расширяет типологическую классификацию языков братьев Шлегелей, выделяя, в частности, новый тип – инкорпорирующие языки. Главное и самое резкое различие между языками он видит в том, как, в какой мере тот или

иной народ отражает в своем языке действительность. Национальное своеобразие языков проявляется в различном соединении звукового материала, внутренней формы языка и формирующего его духа. Рассмотрев строй языков, Гумбольдт делит их в зависимости от формы на «совершенные» и «несовершенные». У «несовершенных» языков синтез внутренней формы и звука или слаб от природы, или подавляется и искажается вмешательством какого-либо обстоятельства. «Совершенные» языки характеризуются полным соединением движения мысли и языка. Синтез внутренней формы языка и звука с наибольшей полнотой отражается в грамматическом строе языков: в образовании предложения и в производстве слов с помощью аффиксов. В основу своей морфологической классификации Гумбольдт кладет структуру слова, поскольку «слово есть полный, распутившийся цвет языка; в слове язык дает оконченное произведение», а также грамматический способ образования предложения. Исходя из этих принципов, он подразделяет все языки мира на четыре типа: флективные, изолирующие (аморфные), агглютинирующие и инкорпорирующие. Наиболее «совершенными» он считает флективные языки, в которых полнее всего проявляется синтез внешней и внутренней формы в строении слова, в них легко вычленяется предложение. К этому типу относятся прежде всего индоевропейские языки. К «несовершенным» языкам Гумбольдт относил языки агглютинирующие (тюркские, финские), инкорпорирующие (палеоазиатские языки индейцев) и изолирующие (китайский). Вместе с тем все языки обладают гибкостью, необходимой для выражения народного духа (7, 57 - 58).

Для лингвистической теории Гумбольдта характерно понимание внутренней сущности языка как целого, состоящего из диалектических противоречий, которые и определяют характер языка. Противоречивые свойства языка он пытался сформулировать в виде антиномий, то есть противоречий между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых признается доказуемым. К важнейшим антиномиям языка В. фон Гумбольдта относятся следующие.

Антиномия языка как деятельности и как продукта деятельности. По своей сущности язык есть выражение деятельности духа, он «не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia)». По мысли Гумбольдта, язык нельзя представлять раз и навсегда готовым материалом, который можно перечесать во всем его количестве и усвоить мало-помалу: его следует представлять вечно возрождающимся по определенным законам. Язык есть нечто постоянное и в каждый данный момент преходящее. С другой стороны, каждое поколение получает от предыдущего язык уже в готовом виде как результат, продукт деятельности народного духа. В этих готовых формах содержится все для обновления языка и вечногo движения духа в результате человеческого творчества.

Антиномия языка и мышления. Гумбольдт всячески подчеркивает неразрывное единство языка и мышления: язык есть орган, образующий

мысль; язык стремится превратить звук в выражение мысли; без языка невозможно образование понятий; слово есть индивидуальная физиономия понятия; слово является единством звука и понятия и т.д. Вместе с тем дух человека, воплотившись в понятие, постоянно стремится освободиться от уз языка, так как слова стесняют внутреннюю свободу духа, мысли, ставя их в определенные рамки.

Антиномия объективного и субъективного в языке. По Гумбольдту, язык по отношению к познаваемому субъективен, по отношению к человеку он объективен. Язык имеет самостоятельное бытие, в существе своем он не зависит от отдельных лиц, хотя действительную жизнь и получает только в употреблении между людьми. Язык принадлежит мне, отмечает Гумбольдт, потому что я воспроизвожу его собственной деятельностью. Но так как я воспроизвожу его так, а не иначе потому, что так говорят и говорили все поколения, передававшие его друг другу до настоящего времени, то меня, очевидно, ограничивает сам язык. С одной стороны человек воспринимает язык так, как он завещан традицией, а с другой – он сам постоянно воссоздает язык в собственной речи. Эта антиномия является великим средством преобразования субъективного в объективное и наоборот.

Антиномия устойчивости и движения в языке. Это противоречие тесно связано с пониманием языка как деятельности и как продукта деятельности. Язык постоянно изменяется и в то же время необыкновенно устойчив. Каждый человек вносит свои изменения в язык, но в то же время он воспринимает его в готовом виде от предшествующих поколений. Воспринимаемые элементы языка составляют некоторым образом мертвую массу, но в то же время содержат в себе живой зародыш нескончаемых изменений, поскольку каждое лицо порознь и притом непрерывно действует на язык, изменяя его в каждом поколении.

Антиномия индивидуального и коллективного в языке. Язык, считает Гумбольдт, принадлежит всегда целому народу, но в то же время он остается творением отдельных лиц, потому что язык живет и воспроизводится только в устах отдельных людей. Поскольку говорят только отдельные лица, то язык – создание индивидов. И в то же время языки как творение народов предшествуют творениям отдельных лиц. Язык выражает мировоззрение отдельного человека, но в то же время человек всегда зависит от народа, к которому принадлежит. Язык как деятельность всегда предполагает говорящего и слушающего, которые олицетворяют коллектив.

Антиномия языка и речи. Язык есть определенная система, совокупность определенных фактов, которые реализуются в виде отдельных актов речевой деятельности. Язык – это внутренне взаимосвязанный организм, каждый из мельчайших элементов которого тем или иным и не всегда ясным образом определяется языком. В языке нет ничего единичного, каждый его элемент проявляет себя лишь как часть целого. Для речи язык устанавливает только регулирующие схемы, предоставляя индивидуальное

оформление их произволу говорящего. Система языка всегда реализуется в речи в виде отдельных актов речевой деятельности.

Антиномия понимания и непонимания. Речь и понимание рассматриваются Гумбольдтом как различные формы деятельности языка. Слова получает свою окончательную определенность только в речи индивида. Однако в живой речи никто не понимает слов абсолютно в одном и том же смысле: и говорящий и слушающий могут воспринимать один и тот же предмет с разных сторон и вкладывать различное, индивидуальное содержание в одно и то же слово. Поэтому взаимное понимание между собеседниками есть в то же время и разногласие.

Таким образом, лингвистическая концепция Гумбольдта знаменует собой качественно новый этап в развитии языкознания. Владея в совершенстве, как, пожалуй, никто другой до него или после него, всем известным в его время эмпирическим материалом, относящимся к многочисленным языкам и культурам, Гумбольдт впервые в истории развития знаний о языке смог построить достаточно стройную и цельную лингвистическую систему. Эта система отражает внутреннее строение языка, его связи с духовной и умственной жизнью народа его культурой, указывает будущим поколениям ученых основные пути проникновения в бесконечно сложные механизмы языковой, интеллектуально-духовной и культурно-исторической деятельности человека (1, 319).

Гумбольдт по праву считается основоположником теоретического и общего языкознания как отдельной дисциплины. Он заложил основы теории языка как деятельности и произведения развивающегося человеческого духа, тесно связал философию языка со сравнительно-историческим методом, многие лингвистические идеи В. фон Гумбольдта оказывали и продолжают оказывать многостороннее влияние на языкознание XIX и XX вв. Положение Гумбольдта о языке как деятельности духа и мышления оказало огромное влияние на развитие психологического направления в языкознании, на взгляды Г. Штейнталя, А.А. Потебни и других представителей психологической школы, на формирование теории речевой деятельности, на становление современной теории языка. Основополагающее для концепции Гумбольдта понятие народного духа, формой выражения которого является национальный язык, получило свое дальнейшее развитие в современной этнолингвистике и других разновидностях неогумбольдтианства. Идеи Гумбольдта о системности и знаковости языка оказали свое влияние на концепции А. Шлейхера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, остаются также актуальными и в современном языкознании. Плодотворное влияние на взгляды А. А. Потебни, К. Фосслера, Б. Кроче и других представителей эстетического направления в языкознании оказали мысли Гумбольдта о языке как творческой деятельности индивида. Положение Гумбольдта о том, что язык поднимается над индивидами, являясь одновременно массовым, коллективным, народным творением, повлияли на становление социологического направления в языкознании. По справедливому

утверждению Б.А. Ольховикова, В. фон Гумбольдта можно отнести к тем мыслителям, научные построения которых в большей мере принадлежат последующим эпохам развития науки, чем современникам (1, 352).

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ